

тели или, по крайней мѣрѣ, избѣгнуть каръ, которыми грозитъ религія злымъ и нераскаявшимся людямъ.

Помимо людей, которыхъ примиряетъ со смертью такое сознание, мы видимъ много примѣровъ того, какъ спокойно умираютъ люди, совсѣмъ беззаботные относительно блаженствъ или мученій, ожидающихъ человѣка въ загробной жизни. Итъ основанія относить къ вѣрующимъ тѣхъ, кто мужественно умеръ во Франціи конца 18 вѣка. Спокойно клали свою голову подъ гильотину и приверженцы стараго порядка, и дѣятели революціи. Это спокойствіе было почерпнуто изъ сознанія исполненнаго долга, одними — изъ вѣрности королю и разрушавшемуся строю Франціи, другими — изъ преданности началамъ, которыя вносила революція въ жизнь французскаго народа.

Можно ежедневно наблюдать случаи такой смерти. Врачъ, сошедшій въ могилу отъ тифа, которымъ захворалъ при леченіи больныхъ, сестра милосердія, заразившаяся отъ тѣхъ, за кѣмп ухаживала, воинъ, павшій на полѣ битвы, лицо, убитое при охранѣ вѣренныхъ ему лицъ или даже имущества, умираютъ спокойно, съ яснымъ сознаниемъ того, что исполнили свой долгъ. Нужно разумѣть «исполненіе долга» въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: нужно относить сюда не только дѣло, возложенное на человѣка извнѣ, которое онъ взялся исполнить одинъ или нѣсколько разъ, но и занятія, разсматриваемыя человекомъ, какъ главное призваніе жизни. Не проходитъ и мѣсяца безъ несчастій съ воздухоплавателями; часто слышишь о смерти этихъ неустрашимыхъ людей. Все дѣло находится еще въ зародышѣ; накопилось мало данныхъ, дабы судить о ихъ душевномъ состояніи въ минуту крайней опасности, когда разрушеніе летательнаго снаряда грозитъ имъ почти неизбѣжною гибелью; выяснить это — задача будущаго. Можно, однако, предположить съ большою степенью вѣроятія, что сознаніе долга примиряетъ этихъ людей со смертью: а долгъ они видятъ въ призваніи служить воздухоплавательному дѣлу, которое соотвѣтствуетъ ихъ влеченію. Здѣсь въ маломъ видѣ повторяется то, что намъ извѣстно изъ біографіи Архимеда: предъ ворвавшимся къ нему римскимъ воиномъ онъ думалъ не объ опасности для жизни, а только о цѣлости своихъ чертежей.

Человѣкъ можетъ спокойно умирать и послѣ жизни, которая протекала въ среднемъ руслѣ, не была наполнена добрыми дѣлами или напряженнымъ и сосредоточеннымъ служеніемъ какой-либо высокой цѣли, научной, художественной, политической. Именно